

А. К.

«МАШКОВЪ, КУЗНЕЦОВЪ, САРЬЯНЪ, ЛЕНТУЛОВЪ,
КОНЧАЛОВСКІЙ, БУРЛЮКЪ, УТКИНЪ, КУПРИНЪ,
МИЛЬМАНЪ».

Наблюдатели искусствъ, стремясь *объяснить* явленія живописи, любясь какимъ-нибудь отдѣльнымъ моментомъ ея исторіи, счастливы бываютъ отмѣтить, что облюбованная ими группа какъ нельзя лучше продолжаетъ мастерство уже установившихся образцовъ живописи.

Вопросы эволюціи искусства и революціи художческаго творчества разрѣшаются пристрастными любителями исторической перспективы, конечно, въ пользу эволюціи.

Намъ же вопросы «почему»—не важны. Генезисъ нашей эстетики, вкуса и потребности съ исторической—или иной точки зрѣнія—мы оставляемъ въ сторонѣ. Намъ въ нашей попыткѣ художественной характеристики важно только то, что опредѣленная группа художниковъ создаетъ какое-то искусство, которое мы потому называемъ современнымъ, что оно отвѣчаетъ нашей *настоящей* живописной потребности. Мы любимся только тѣми мастерами, которые создаютъ сущность нашихъ *настоящихъ* эстетическихъ императивовъ.—*La peinture c'est vous!*

Павель Кузнецовъ. Влюбленность въ пески и цвѣтъ Востока. Востокъ, не какъ этнографія, чуждая національность, а какъ утонченное любованіе жизнью иной. Востокъ—какъ форма, вбирающая воспріятія Европы. Не экзотика, а грустность, тонкость—вся въ изысканной манерѣ мастера. *Сарьянъ.* Востокъ, но совсѣмъ иной. Сарьянъ, обязанный всѣмъ своимъ существомъ Востоку, его поэзіи, миѳу и отношенію къ вещамъ и людямъ, весь въ немъ, въ его желтомъ цвѣтѣ, въ медленности и крикѣ. Но въ совершенствѣ своемъ (примитивъ) въ композиціи, техникѣ—это, конечно, художникъ русскій, художникъ отъ русской

Европы. *Илья Машковъ*. Прежде всего, определенно художникъ отъ Русской Земли, прошедшій чрезъ увлеченіе французскими ультра-реалистами (Эдуардъ Мане, Клодъ Моне, Сезаннъ) и создавшій съ виртуозностью форму красочнаго натюрморта. Культъ видимаго реализма—лишь внѣшній поводъ къ проблемѣ живописности *). Тайна художника въ томъ, что его «реализмъ» разрѣшаетъ ту проблему искусства, которая не понимаетъ культа формъ природы, какъ искусства. *Аристархъ Лентуловъ*. Живопись это, прежде всего, цвѣтъ (а не краска), цвѣтъ, въ которомъ и время и пространство—отсюда форма и фантастика, стремящаяся объять макрокосмъ. Такъ мало красокъ въ палитрѣ (всего семь), но въ творческомъ вдохновеніи превращаются въ чудеса золотой солнечной яркости, разлившейся въ бытіи. Любя и принимая міръ—любованіе собственнымъ мастерствомъ—даже въ такихъ вещахъ, какъ «Москва». (Собраніе В. В. Лабинской) *Петръ Кончаловскій*. Въ своемъ творествѣ продолжаетъ заданія западныхъ мастеровъ. Дорога, цѣнна и понятна намъ, какъ высшее достиженіе, излюбленная художникомъ гамма переходовъ отъ фіолетоваго къ сѣрому, мягкая въ своей качественной матеріальности. Въ отношеніяхъ къ живописному матеріалу комбинація сущности цвѣта, а не краски (раскрашенности). *Давидъ Бурлюкъ*. Весь отъ культуры. Русскій лубокъ, старыя книги, гравюры, эстампы, старинныя письма, отъ иконографіи до гіероглифовъ—вотъ источникъ вдохновенія и тотъ матеріалъ художника, который преломляется у него въ вѣчномъ стремленіи найти какое-то новое выраженіе формъ живописи. *Петръ Уткинъ*. Лирикъ. Жестъ и поза, чарующіе своей мечтательностью. Художникъ большой выразительности и глубины. *Александръ Купринъ*. Синтезъ формъ. Изысканность. При минимумѣ средствъ выраженія—достиженія подлинной живописи. *А. Мильманъ*. Природа важна постольку, поскольку ея пейзажъ есть поводъ для натюрморта. Предметы—только въ комбинаціи, способствующей выявить организмъ своей формы.

Москвѣ, какъ нѣкогда искусство Италіи, Флоренціи и Риму—обязано русское искусство, вообще, а русская живопись въ частности. Поистинѣ въ правѣ она дать имя свое своимъ яркимъ мастерамъ.

---

*) Реализмъ отличается отъ натурализма своимъ эстетическимъ со держаніемъ.